

Р ъ ч и

при отпѣваніи заслуженнаго ординарнаго профессора Киевской дух. Академіи Константина Димитріевича Попова.

I.

Нѣсколько необычнымъ бываетъ положеніе проповѣдника слова Божія, когда онъ сочтетъ своимъ долгомъ говорить при гробѣ умершаго. Предъ нимъ встаетъ довольно трудный вопросъ: что полезно и умѣстно въ этомъ случаѣ сказать? Обратишься-ли къ предстоящимъ съ наставленіемъ? Но умѣстно-ли это наставленіе тамъ, гдѣ гробъ, разлагающійся трупъ умершаго, слезы его родныхъ и друзей говорятъ ярче и краснорѣчивѣй всякаго слова наставленія и при томъ говорятъ по такимъ вопросамъ, отъ рѣшенія которыхъ уклониться никто не можетъ, и при томъ говорятъ такъ громко, что не можетъ не задуматься надъ этой безмолвной рѣчью даже легкомысленно относящійся къ жизни, даже случайный участникъ погребенія, даже просто любопытный зритель. Гдѣ говорить смерть, тамъ застываютъ въ безмолвіи уста. Говорить-ли объ умершемъ? Но что говорить? Осуждать-ли его? Но онъ уже идетъ на судъ ко Всевышнему! Хвалить-ли его? Но какъ хвалить человѣку глубоко и православно вѣрующему? Вѣдь я глубоко убѣжденъ, что дорогой Константинъ Димитріевичъ здѣсь-же между нами находится; я его вижу духовными очами, я только по грѣховности своей лишень возможности видѣть его и тѣлесными глазами, но я чувствую себя какъ-бы предсто-

щимъ предъ нимъ. Онъ меня видитъ, онъ слышитъ меня! Мало того, онъ видитъ и слышитъ теперь еще больше, еще глубже, чѣмъ при жизни,—онъ видитъ мое сердце, онъ слышитъ мои мысли! Каково-же мнѣ приступать къ похваламъ ему при такомъ вѣрованіи? У многихъ-ли хватитъ смѣлости восхвалять человѣка въ его присутствіи, если похвалы эти будутъ даже и вполне искренни? Но какое для правослаиваго человѣка различіе между живымъ и умершимъ, да еще при погребеніи, до истеченія трехъ дней послѣ смерти, когда по общему вѣрованію душа умершаго еще находится возлѣ дорогихъ ему людей въ любимыхъ ему мѣстахъ? Наконецъ, при погребеніи обыкновенно находятся люди, которые знаютъ усопшаго нерѣдко лучше проповѣдника и, быть можетъ, иначе къ усопшему относятся, почему возможно, что похвалы умершему подымутъ въ душѣ такихъ совершенно инныя мысли и представленія, которымъ не мѣсто у гроба. Но не смотря на все это, я считаю своимъ священнѣйшимъ долгомъ говорить объ усопшемъ. Къ этому побуждаютъ меня, съ одной стороны, мои особыя отношенія къ нему, а съ другой—особый характеръ его жизни и дѣятельности.

Усопшій былъ замкнутаго характера, скупъ на слова, какъ бы даже нелюдимъ, и мало кто былъ близокъ къ нему. Но для меня онъ былъ чуть-ли не самымъ близкимъ членомъ изъ всей семьи профессоровъ. Съ самаго перваго курса моего академическаго образованія онъ сталъ моимъ руководителемъ въ научныхъ занятіяхъ. Онъ раскрылъ предо мною самую, такъ сказать, механику своихъ ученыхъ занятій, желая передать мнѣ то, что онъ самъ приобрѣлъ долгодѣтней практикой. Очень рѣдко кто изъ студентовъ бывалъ у него на квартирѣ, а я еще студентомъ имѣлъ доступъ даже въ его святилище—въ рабочій кабинетъ и по цѣлымъ часамъ работалъ въ этомъ святилищѣ. Дорогой мой учитель, даже убѣжая въ болѣе или менѣе продолжительныя

отпуски, оставляя открытыми для меня двери своего святилища, и я тогда становился тамъ полнымъ хозяиномъ. Какъ-же мнѣ, такъ приближенному къ усопшему, не повѣдать вамъ, бр., о немъ того, что не всякому, даже мало кому извѣстно; какъ мнѣ не воспользоваться своими хотя и слабыми силами, чтобы выяснитъ вамъ то, что далеко не всѣ ясно представляютъ, чтобы показать, кого мы погребаемъ, кого лишились, съ кѣмъ въ послѣдній разъ собрались проститься? Прости-же меня, дорогой Константинъ Димитріевичъ, что я буду говорить о тебѣ. Я по возможности спокойно, объективно постараюсь сказать, кто ты, потому что ты самъ объ этомъ молчалъ, а нашъ вѣкъ такой, что люди больше знаютъ только тѣхъ, кто самъ о себѣ много говоритъ. Ты, дорогой учитель, открылъ мнѣ святилище твоего ученаго кабинета; прости-же, что я открою предъ собравшимся тебя почтить святилище твоей души, какъ ученаго и профессора!

Намъ нѣтъ нужды говорить о талантливости глубоочтимаго учителя: приглашеніе съ юныхъ лѣтъ занять одну изъ важнѣйшихъ каедръ и самая высшая ученая степень, которой достигъ усопшій, достаточно ясно говорятъ объ этомъ. Но однако не всякій ученый и профессоръ одинаково съумѣетъ использовать свою талантливость. Развѣ не извѣстны намъ такіе талантливые профессора и ученые, которые, создавъ на первыхъ же шагахъ вокругъ себя шумную славу, вскорѣ-же становятся рабами этой славы: она ослѣпляетъ имъ глаза, обращаясь изъ слѣдствія ихъ работы въ цѣль ея, и—либо размѣниваетъ ученаго на монеты, либо дѣлаетъ его слугою случайныхъ, преходящихъ, хотя-бы и научныхъ интересовъ. Умираютъ такіе талантливые люди, умолкаютъ ихъ краснорѣчивыя уста, останавливается ихъ бойкое перо, и умолкаетъ навѣки шумная слава ихъ. Но есть и такіе ученые и профессора, которые не соблазняются дешевой, шумной и обманчивой славой среди слушателей

и поклонниковъ. Они работаютъ надъ наукой ради самой науки, ради истины и остаются вѣрными этому девизу независимо отъ того, замѣчаютъ-ли современники ихъ работу, цѣнятъ-ли ее, или нѣтъ. Часто бываетъ, что такіе ученые и профессора остаются незамѣченными своими современниками. Но безкорыстный работникъ не канетъ въ вѣчность и не оцѣненнымъ. Прійдетъ время, оцѣнить его, и онъ займетъ подобающее мѣсто въ исторіи науки. Такіе работники науки бываютъ обыкновенно особенно самобытны, оригинальны, цѣльны и, если успѣютъ что-либо создать, то дѣланное ими бываетъ окутано дымкой вѣчности, почему дея современниковъ не всегда бываетъ и доступно. Къ такому типу научныхъ работниковъ принадлежитъ и глубоко-итимый Константинъ Димитріевичъ.

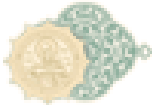
Онъ работалъ въ тиши своего кабинета не ради славы, и ради самой науки, ради истины, ради любви къ Церкви православной. Онъ не искалъ славы, не преувеличивалъ плоды своего ума; онъ всегда сознавалъ себя скромнымъ работникомъ, слугою науки и послушнымъ любящимъ сыномъ Церкви православной. Вотъ почему онъ въ своихъ научныхъ работахъ такъ избѣгалъ, такъ не любилъ скоропѣльныхъ выводовъ, и тѣмъ болѣе остороженъ былъ съ этими выводами, если они клонились въ сторону отъ общепринятаго преданія церковнаго. Онъ былъ глубокоправославный богословъ и непоколебимо церковный человекъ. Но въ то же время онъ былъ горячимъ *поборникомъ* свободы, независимости, самостоятельности православнаго богословія, свободы, конечно, не произвола, а истинно-христіанской свободы. Наша богословская наука очень молода, потому естественно, что ея представителямъ всегда угрожаетъ опасность увлечься тѣми или другими крайностями, тѣмъ болѣе выводами западной, уже давно развившейся науки, откуда приходится имъ иногда полной рукой черпать плоды инославной мысли. Это почти неизбѣжно, одна-

ко чрезвычайно опасно для православнаго богословія: молодой, еще не окрѣпшій умъ начинающаго богослова, всецѣло погружался въ необъятное море инославной богословской литературы, позабывъ завѣты истинной свободы, неволью исподоволь привыкаетъ глядѣть на многіе вопросы богословія сквозь очки инославныхъ богослововъ и благо, если этотъ богословъ во время остановится въ этомъ постепенномъ самоотравленіи. Никогда не забывалъ усопшій нашъ учитель этой опасности и потому никогда не былъ работою иностранныхъ богослововъ, высоко держа знамя свободы истинно-православнаго богословія. Онъ настойчиво твердилъ, что православное богословіе должно самостоятельно развиваться, самостоятельно разбираясь въ тѣхъ-же источникахъ, надъ которыми оперируетъ и западная наука. Лучше меньше сдѣлать, лучше медленнѣй идти впередъ, но зато самостоятельно, безъ опасенія уклониться въ сторону католичества или протестанства. Конечно, онъ зналъ инославную науку, слѣдилъ за ней, къ лучшимъ представителямъ ея даже прислушивался, но никогда не слѣдовалъ за ней въ сторону отъ церковнаго преданія, а шелъ своимъ, правда, очень тернистымъ и труднымъ путемъ.

Такой взглядъ на характеръ и направленіе православнаго богословія привелъ нашего дорогаго учителя и къ соответствующему методу въ ученыхъ трудахъ. Онъ почти исключительно работалъ надъ первоисточниками богословія, самостоятельно ихъ изучая и самостоятельно дѣлая изъ нихъ выводы и заключенія. И вотъ, путемъ долгодѣльныхъ усидчивыхъ трудовъ надъ этими источниками у него накопились громадныя познанія въ этой сферѣ. Этотъ методъ поистинѣ свободнаго православнаго богословія нашъ усопшій учитель увѣковѣчилъ въ своей капитальной докторской диссертациі о бл. Діадохѣ. Трудъ этотъ—не систематическая обработка твореній Діадоха. Нѣтъ, это только переводъ его твореній, но переводъ, снабженный такой массой

ученихъ примѣчаній, что чуть не каждое слово Діадоха получаетъ свою исторію, иллюстрацію и яркое освѣщеніе. Переводъ твореній Діадоха сталъ, поэтому, какъ бы энциклопедіей по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ въ нихъ, преимущественно-же по вопросамъ аскетики. И намъ кажется невозможнымъ, чтобы кто-нибудь могъ теперь работать въ области аскетики, минуя трудъ дорогого нашего учителя. Но усопшій не ограничивался разработкой и накопленіемъ сырого матеріала: онъ обрабатывалъ его, систематизировалъ, дѣлалъ выводы, заключенія. Плоды этой работы онъ давалъ намъ въ своихъ драгоценныхъ, къ сожалѣнію, не напечатанныхъ лекціяхъ. Даже въ студенческой передачѣ онъ такъ поражаютъ глубиною непосредственного знакомства съ первоисточниками, что кажутся какъ бы выкованными изъ твердаго, непреложнаго, вѣчнаго матеріала. Но очень многое изъ написаннаго онъ, за недостаткомъ времени, оставлялъ непрочитаннымъ. Увидитъ-ли когда оно свѣтъ? Однако и въ этой области онъ оставилъ намъ и печатный образецъ своихъ работъ. Его магистерскія диссертація о Тертуліанѣ является другимъ несокрушимымъ памятникомъ его ученыхъ трудовъ. Чтобы вполне достойно оцѣнить этотъ трудъ, нужно имѣть въ виду время, когда онъ былъ написанъ. Въ то время наша наука о св.-отеческой письменности была такъ мало развита, что теперь, читая въ академическихъ журналахъ за тѣ годы ученые статьи по патрологіи, удивляешься, какъ среди этой почти сплошной немощи могъ появиться такой трудъ, который даже въ настоящее время стоитъ на уровнѣ не только выдающихся русскихъ трудовъ въ этой области, но даже и лучшей иностранной литературы. Методъ разработки богословія Тертуліана, принятый въ этомъ трудѣ, былъ въ то время новинкой даже на Западѣ, а у насъ даже и теперь, по истеченіи 30 лѣтъ, онъ далѣко не всякому ученому по силамъ. Поставитъ богословіе избраннаго автора въ связь съ предшествующими

богословскими теченіями, съ современной ему эпохой со-
всѣми ея отгѣнками, да притомъ сдѣлать все это по перво-
источникамъ—трудъ колоссальный, путь необычайно труд-
ный, но за то и единственно вѣрный. Вотъ почему и теперь,
кто задумаетъ работать надъ Тертуліаномъ, тотъ неми-
нуемо долженъ прибѣгнуть къ помощи усопшаго нашего
учителя. Но, какъ мы сказали, остороженъ, даже скупъ
былъ усопшій въ своихъ ученыхъ выводахъ, особенно-же
если они шли въ печать. Онъ печаталъ только то, что
вполнѣ созрѣвало въ его душѣ, въ чемъ никакого сомнѣнія
не оставалось у него, за истинность чего онъ готовъ былъ
идти на страданія. Онъ былъ самымъ строгимъ рецензен-
томъ для себя, пропускающимъ въ печать только дѣйстви-
тельно цѣнное.—Не менѣе строгъ былъ усопшій и въ своей
рѣчи. Онъ скупъ былъ на слова. Онъ больше любилъ слу-
шать, но если ужъ что бывало скажетъ, то скажетъ вѣско-
лено, отчетливо, кратко, ни слова лишняго. Рѣчь его была
до скупости кратка, но вмѣстѣ съ тѣмъ до кристальности
чиста и ясна. Простите, напр., его актовую рѣчь объ отно-
шеніи между вѣрой и знаніемъ по Клименту Александрій-
скому. Рѣшается труднѣйшій вопросъ богословія и филосо-
фіи, вопросъ, на который написаны сотни книгъ, а у нашего
учителя онъ изложенъ на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ,
но изложенъ такъ, что ни слова лишняго, ни лишней не-
умѣстной мысли не найдете. А между тѣмъ знаменитый
философъ-богословъ первохристіанскихъ временъ выступаетъ
здѣсь во всемъ своемъ величіи и красотѣ въ рѣшеніи труд-
нѣйшей проблемы человѣческаго вѣдѣнія.

Но не къ однимъ учено-литературнымъ трудамъ усоп-
шій нашъ учитель прилагалъ полученные отъ Господа и
пріумноженные недюжинные таланты свои на пользу Церкви.
Своимъ авторитетнымъ вліяніемъ въ соответствующихъ
сферахъ онъ оказалъ не меньшую услугу всему академиче-
скому богословію, а наипаче своей собственной наукѣ. При

какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ велъ свою работу по патрологіи усопшій профессоръ! Эта наука была въ такомъ пренебреженіи, что даже была совсѣмъ удалена изъ семинарскихъ программъ, а въ Академіи была ограничена только одной кафедрой. Что могъ сдѣлать одинъ профессоръ въ необъятномъ морѣ св.-отеческой литературы, которая у одного Миня считается сотнями громаднхъ in 4^о томовъ мелкой убористой печати. А между тѣмъ усопшій профессоръ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, видѣлъ, что православное богословіе должно всѣ свои силы направить именно на изученіе этой письменности. Вѣдь сущность различія православія отъ другихъ исповѣданій заключается главнымъ образомъ въ отношеніи и въ пользованіи Св. Преданіемъ, воплощеніемъ котораго является св.-отеческая письменность. И потому, сколько скорби за ошибочное направленіе академической науки было пережито усопшимъ патрологомъ! Какъ настойчиво онъ твердилъ о необходимости большаго вниманія къ своей наукѣ! И вотъ, авторитетный голосъ заслуженнаго профессора быть услышанъ. Его рѣчи въ комиссіяхъ по выработкѣ академическаго устава были оцѣнены, и патрологія получила, наконецъ, другую кафедру въ Академіи. Кромѣ того, научный богословскій методъ, избранный нашимъ учителемъ, наши необходимымъ, хотя въ видѣ практическихъ занятій, примѣнить и ко всѣмъ академическимъ наукамъ въ законной надеждѣ, что этотъ методъ поставитъ наше молодое богословіе на самостоятельную почву, независимую ни отъ католической, ни отъ протестантской науки. И вотъ, теперь каждый профессоръ богословской науки, разрабатывая источники своей науки, работаетъ надъ тѣмъ-же матеріаломъ, надъ которымъ специально трудится патрологъ, а посему преемникамъ усопшаго не прійдется быть одинокими, каковымъ 35 лѣтъ приходилось быть Константину Димитріевичу.

Итакъ, бр., мы собрались ко гробу далеко незауряднаго служителя богословской науки. Наша Академія и вся богословская наука потеряла въ немъ очень замѣтную величину. Но „Господь даде, Господь отъятъ. Яко Господу изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно!“ (Повѣ I, 21).

Мы-же, бр., воздадимъ усопшему труженнику за всѣ его труды и заботы о наукѣ горячею молитвою о немъ, дабы св. Отцы Церкви, жизнь и благопросвѣщенное слово которыхъ онъ весь свой вѣкъ изучалъ и другимъ преподавалъ, возстали ходатаями за него предъ престоломъ Всевышняго, да упокоитъ Онъ его среди нихъ, въ вѣчныхъ обителяхъ Своихъ! Аминь.

И. д. доцента, свящ. Т. Лященко.

II.

„Что сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тѣлѣнїю? Како сопрогохомся смерти? Воистину Бога повелѣніемъ, якоже писано есть, подающаго престаवльшымся упокоенїе“.

Такъ при каждомъ гробѣ вопрошаетъ св. Церковь Тутъ она всякій разъ смиренно нисходитъ въ кругъ болѣзнующихъ скорбію чадъ своихъ, и вмѣстѣ съ ними жалостно вопрошаетъ: что это за страшное совершается надъ нами таинство! Какъ мы, созданные по образу Бога безсмертнаго подверглись смерти и тѣлѣнїю?

И вотъ, желая преподать утѣшенїе тѣмъ, которые на ходится пока на пути земнаго странствованїя, св. Церкви и возглашаетъ при гробѣ каждаго христіанина: „Блаженъ путь, въ онъ же идеши днесь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенїя“. Упокойся послѣ трудовъ твоихъ, отдохай послѣ мучительной болѣзни и ты, дорогой нашъ учитель достойный незабвенной нашей памяти о тебѣ. Блаженъ путь

твой, ибо ты, внявъ голосу Божественнаго призванія, покорный волю Божіей, идешь *въ юрния* со тщаніемъ и вѣнцемъ нетлѣвнїа—къ Богу мира и покоя. Теперь уже ничто не возмутитъ твоего духа и не нарушитъ твоего смертнаго покоя. Теченіе дней твоихъ ты скончалъ въ мирѣ совѣсти, чести, правды и подвижническаго терпѣнїа. Много понесъ трудовъ и подвиговъ въ тяжелой жизни ученаго отшельника. Много ты боролся и въ болѣзнях. Смерть твою не была для насъ неожиданной, къ ней мы нѣсколько были подготовляемы, въ теченіе 3 мѣсяцевъ тревожно слѣдя за ходомъ болѣзни. И казалось не разъ, что сила жизни и крѣпость духа брали перевѣсъ надъ разрушительнымъ дѣйствіемъ недуга твоего. Но, наконецъ, сила болѣзни и смерти преодолѣла силу жизни и уложила тебя въ гробъ. Преклоняясь предъ неисповѣдимую волю Всевышняго, мы не безъ утѣшенїа взираемъ на этотъ гробъ, потому что почившій „исполни мѣта долга“ (Премуд. Солом. 4, 13), „ближе дѣлая и богатяся въ дѣлахъ добрыхъ“ (1 Тим 6, 18).

Позволь же намъ въ послѣдній разъ обратиться къ тебѣ и сказать у гроба твоего наше задушевное слово, исходящее отъ живого нашего сердца. Позволь намъ выразить предъ тобою тѣ священныя и высокія чувства, коими преисполнены наши сердца къ тебѣ, возлюбленный профессоръ нашъ, другъ истины, достойный незабвенной и благодарной памяти нашей о тебѣ.

Твои сослуживцы и ученики собрались вокругъ тебя заѣмъ, чтобы вознести о тебѣ молитвы свои ко Господу и воздвигнуть тебѣ памятникъ, сложивъ его не изъ камней или холодныхъ плитъ, а изъ живыхъ сердецъ нашихъ, какъ неостыяемаго твоего достоинства, утвердивъ его на крѣпкомъ основанїи искренней, неистлѣвающей любви нашей къ тебѣ.

Мы не станемъ перечислять тѣхъ достохвальныхъ качествъ твоего глубокаго ума и твоего, отзывчиваго на все

благое, добраго сердца, коими ты воссоздалъ въ насъ добрую память о тебѣ. Обрѣлось бы, конечно, чѣмъ прославить намъ и твое имя, которое ты сдѣлалъ небезызвѣстнымъ своимъ служеніемъ просвѣщенію духовному. Въ описаніи талантовъ, коими ущедрилъ тебѣ Отецъ Небесный, въ изображеніи привлекательныхъ качествъ твоего сердца—мы могли бы собрать много благоуханныхъ цвѣтовъ, чтобы сплести изъ нихъ вѣнецъ похвалъ и положить его на твоемъ гробѣ. Но мы не станемъ, говорю, нарушать твоего мирнаго покоя, и тревожить твоей христіанской скромности нашими похвалами. Коснемся только въ нѣсколькихъ словахъ нѣкоторыхъ свойствъ души почившаго, да будетъ это слабымъ выраженіемъ чувствъ признательности за все доброе, содѣланное имъ для любимаго имъ и любящаго его студенчества.

Почившій, братіе, со всякимъ ищаніемъ вѣрно послужилъ въ званіи, въ которое былъ призванъ и которое требовало не только знанія, ума, но и мудрости вѣры. Его служеніе было не только служеніемъ наукъ, но и Церкви Божіей служеніемъ искреннимъ. Намъ, ученикамъ его, казалось, что почившій былъ мужъ мира, глубокой любви ко всему прекрасному, изящному въ жизни. Для всего истиннаго, полезнаго и добраго тепло было сердце его. Намъ никогда не забыть его истинно отеческаго отношенія къ своимъ ученикамъ, чуткое сердце которыхъ угадывало въ немъ дружественнаго учителя. Не забыть его мягкаго, снисходительнаго, поощрительнаго отношенія къ нашимъ работамъ и обязанностямъ. Но почившій былъ, прежде всего, человекъ долга и снисхожденіе его имѣло свои границы, оно доходило до возможнаго предѣла. Поистинѣ прервалась учено-подвижническая жизнь; перестало биться доброе, любящее, отзывчивое сердце.

Отдавая нынѣ посмертную дань признательности и благодарности почившему учителю нашему, не забудемъ что благодарность наша не должна кончатся съ кончиною

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. II. 1911 г. 37

его. Ибо, хотя тѣломъ онъ и почилъ, и бездыханенъ среди насъ возлежить; но душа его вѣчно жива, и она-то всегда, и особенно теперь, нуждается въ помощи со стороны нашей. Восходя на небо, въ область свѣта, она нуждается теперь въ очищеніи ея отъ всего нечистаго и грѣховнаго, ибо настоящій міръ, по ученію слова Божія, „весь во злѣ лежитъ“ (Іоан. 5, 19), и внутри насъ самихъ „плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть“ (Гал. 5, 17); и почившій, какъ человекъ, не могъ не согрѣшати. Были, конечно, и немощи въ немъ. Какъ человекъ, онъ, конечно, не былъ свободенъ отъ нравственныхъ преткновеній и даже паденій. Душа почившаго, имѣя долгъ предстать предъ праведнаго и нелицеприятнаго Судію и встрѣчая нынѣ противъ себя духовъ злобы, нуждается въ особенной благодатной помощи. Для нея теперь ничто такъ нежелательно, ничто такъ не надобно, лишь бы только получить оправданіе отъ Бога. Мы, какъ ученики его, должны знать и помнить это. Не забудемъ же молиться о прощеніи вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній нашего учителя и поминать его. Повѣримъ, что это самое горячее его прижизненное желаніе, что это будетъ самая высшая благодарность учителю за его труды и заботы о насъ.

Дорогой учитель! Тебя не стало... Вѣсть о твоей кончинѣ не замедлитъ облетѣть всѣ концы нашего необъятнаго отечества... Всѣ твои многочисленные ученики—архипастыри, пастыри и учителя — вознесутъ объ упокоеніи твоей души горячую молитву Отцу Небесному и Его Небожителямъ, славѣ которыхъ ты служилъ на академической кафедрѣ.

Помолимся же, братіе и мы о немъ и, обращаясь къ нему, скажемъ словами св. Церкви: „Христосъ ты упокойтъ во странѣ живущихъ, и врата райскія да отверзетъ ти: и царствія покажетъ жителю, и оставленіе тебѣ дастъ, о нихъ же согрѣшилъ еси въ житіи, христороубче“. Аминь.

Студ. IV курса Гр. Лысякъ.

III.

...„Онъ, какъ бы вида Невидимаго, былъ твердъ“. Евр. XI, 27.

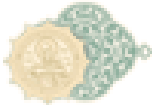
Такъ сказали о рабѣ Божиѣмъ Моисей св. ап. Павелъ. А мы заимствуемъ эти свящ. слова, какъ самую яркую характеристику духовнаго облика почившаго. Изъ безконечныхъ совершенствъ Божиихъ почившій въ теченіе своей жизни какъ бы избралъ неизмѣнность Божию, вѣрность заветамъ и обѣтованіямъ, правду Божию, какъ образецъ для посильнаго подражанія Богу, къ которому призванъ каждый христіанинъ. И вотъ онъ, какъ-бы созерцая невидимаго Бога, Отца свѣтовъ, у котораго „нѣтъ и тѣни премѣненія или преложенія“, — былъ твердъ, постояненъ, правдивъ. Вся его жизнь отличалась цѣльностью, единствомъ, гармоничностью; она была прямолинейна, какъ вытянутая струна, и самъ почившій казался будто-бы вырубленнымъ изъ одной скалы.

Твердость, основательность, правдивость характеризуютъ жизнь почившаго, какъ въ ея цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ проявленіяхъ. Духовный по происхожденію и образованію, церковный по воспитанію, патриотъ по убѣжденію, какъ всякій добрый гражданинъ, — онъ посвятилъ себя на служеніе духовной школѣ, какъ преданный сынъ церкви. Онъ ради чести или прибытка не раздроблялъ своихъ богатыхъ силъ, не искалъ совмѣщенія должностей въ разныхъ учрежденіяхъ, а отдалъ весь свой недюжинный талантъ родной школѣ, воспитавшей его.

Какъ ученый и профессоръ-преподаватель, почившій обнаруживалъ тѣ же высокія качества и достоинства — основательность, серьезность, твердость и убѣжденность. Въ своихъ научныхъ работахъ онъ не любилъ прибѣгать къ замысловатымъ догадкамъ и рискованнымъ предположеніямъ, а обосновывалъ свои выводы на твердыхъ историческихъ дан-

ныхъ и филологическихъ изысканіяхъ. — Какъ преподаватель—лекторъ, почившій не старался увлечь своихъ слушателей, или произвести на нихъ особенно сильное впечатлѣніе посредствомъ внѣшнихъ красявыхъ приемовъ; у него на первомъ планѣ стояло обстоятельное, спокойное, вдумчивое и ясное изложеніе предмета безъ всякихъ вычурностей, даже отвлеченій въ сторону. И отъ своихъ слушателей—студентовъ онъ желалъ положительныхъ знаній, а не бойкихъ рѣчей.

Какъ человекъ, почившій являлся однимъ изъ тѣхъ сильныхъ,—мы выразились бы—могучихъ,—характеровъ, какихъ такъ мало встрѣчается въ наше неустойчивое время. Онъ зналъ, что дѣлалъ,—и дѣлалъ то, что зналъ. У такихъ характеровъ „ныпѣ“ не является отрицаніемъ „вчера“ и „завтра“ не бываетъ инымъ, чѣмъ „сегодня“. Онъ имѣлъ свои идеалы, и имъ неуклонно слѣдовалъ. Онъ шелъ своимъ путемъ, и попытки сбить его съ дороги были бы напрасно затраченными усиліями — По складу своей натуры, почившій не былъ расположенъ къ широкой общественной дѣятельности. У него не было желанія господствовать надъ волею другихъ; лавры оратора и побѣдные трофеи общественнаго дѣятеля также не привлекали его. Его призваніемъ былъ уединенный кабинетъ, полный серьезныхъ книгъ; онъ былъ ученымъ отшельникомъ. Но общество сильно нуждается въ такихъ положительныхъ характерахъ, и почившій въ послѣдніе годы былъ привлекаемъ къ общественной дѣятельности. Съ большою неохотою онъ разставался съ своимъ ученымъ кабинетомъ. Все близкіе знакомые почившаго знаютъ, какъ особенно не порадовало его назначеніе осенью 1909 г. въ синодскую комиссію по выработкѣ новаго академическаго устава. Онъ будто-бы имѣлъ недобрый предчувствія, которымъ, повидному, и суждено было оправдаться. По возвращеніи изъ комиссіи, онъ началъ быстро

слабѣть, хирѣть... Неохотно, сказали мы, соглашался почившій принять участіе въ общественной дѣятельности. Но когда онъ уступалъ высшей волѣ или настойчивымъ просьбамъ близкихъ людей, онъ и въ яной области дѣятельности всегда оставался самимъ собою—усерднымъ, спокойнымъ и убѣжденнымъ работникомъ. Онъ далъ блестящій примѣръ, убѣдительноѣйшее доказательство того, что значить слово вѣрнаго твердаго человѣка. Онъ не любилъ многословить, но слово его не расходилось съ дѣломъ: онъ что говорилъ то и дѣлалъ,—и дѣлалъ то, что говорилъ. Онъ зналъ цѣну человѣческому слову!

Въ жизни частной, въ обращеніи съ соприкасавшимися съ нимъ лицами, почившій являлся „благороднымъ человѣкомъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это былъ честный характеръ, на который можно было положиться, понадеяться. Всегда ровный, спокойный, привѣтливый, онъ въ рѣшительную минуту могъ дать мощный отпоръ безцеремоннымъ посягательствамъ невоспитанныхъ людей на чело-вѣческую личность—свою-ли, или окружающихъ. Какъ всякій сильный характеръ всегда и человѣкъ опредѣленныхъ убѣжденій въ наше время, почившій пользовался горячею любовью со стороны однихъ и далеко не полнымъ расположеніемъ со стороны другихъ, но, думаемъ, глубокимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ. Однако не похвалы или награды руководили его дѣятельностью, его нимало не смущало и несочувствіе лицъ противоположныхъ мнѣній: онъ служилъ не времени, не людямъ, а Богу.

Почившій подвизался подвигомъ добрымъ и соблюлъ свою вѣру.

Да воздастъ же Господь своему рабу, возлюбившему правду и вѣрному до смерти, вѣнецъ правды и живота!

М. Посновъ.

IV.

Дорогой наставникъ!

Сегодня тотъ именно день, когда мы надѣялись встрѣтить тебя, но не погребальными пѣснями и не вздохами печали и слезъ! Мы готовились дать тебѣ отвѣты въ знаніи той научной дисциплины, которая раскрываетъ духъ и направленіе мысли великихъ и славныхъ мужей, устами коихъ св. Церковь выражала и изъясняла свое ученіе; смерть твоя разрушила наши надежды; нынѣ ты мертвъ и бездыханенъ и мы встрѣчаемся съ тобою, нашъ незабвенный наставникъ, при сей торжественно печальной обстановкѣ и всего лишь для того, чтобы навѣки проститься съ тобою, отдать тебѣ послѣдній долгъ и принести послѣднее цѣлованіе. Вотъ почему сегодня у насъ, вмѣсто обычной школьной встрѣчи и занятій, предстоитъ печальное шествіе къ мѣсту твоего вѣчнаго упокоенія, вмѣсто дружеской и отеческой бесѣды—надгробныя рѣчи, а вмѣсто экзамена¹⁾ и испытаній нашихъ познаній производится тобою какъ бы испытаніе нашего сердца.

Въ теченіе истекающаго учебнаго года мы такъ привыкли къ тебѣ, что мысль о близкой разлукѣ наполняетъ трепетомъ нашу душу; мы сердечно полюбили тебя за твою искренность и доступность; съ тобою откровенно дѣлили мы свои радости и печали; вотъ отчего наше сердце, не разъ согрѣтое твоимъ вниманіемъ и участіемъ, при видѣ гроба твоего, болѣзненно сжимается, душа ищетъ способовъ навѣки запечатлѣть твой образъ и свято сохранить воспоминанія о тебѣ; вихремъ промчатся грядущіе годы и время можетъ изгладить дорогія для насъ черты твоего лица, а отъ воспоминаній и нашихъ встрѣчъ останутся лишь неис-

---

¹⁾ Отпѣваніе происходило въ день, назначенный для экзамена по Патрологіи, которую долгіе годы читалъ покойный въ Киевской Дух. Академіи.

ные, неопредѣленные и смутные остатки невозвратнаго прошлаго!

Но ужели у насъ нѣтъ средствъ противъ всеокрушающаго времени? Неужели совсѣмъ мы потеряли дорогаго Константина Димитріевича? Неужели со смертію его прекращается наше общеніе съ нимъ? Для живого христіанскаго упованія отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ немислимъ. Для христіанина нѣтъ смерти, а есть одна вѣчная, нескончаемая жизнь во Христв. Нашъ незабвенный наставникъ будетъ жить для насъ въ томъ непрестанномъ молитвенномъ общеніи, которое соединяетъ живыхъ и умершихъ членовъ Церкви Христовой, какъ выраженіе христіанской любви, „николиже“ отпадающей, по слову св. апостола. Онъ будетъ жить и въ тѣхъ плодахъ своихъ трудовъ, которые никогда не уничтожатся, но всегда будутъ способствовать развитію и росту христіанскаго знанія. Онъ будетъ жить въ благодарныхъ сердцахъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, разбѣянныхъ по градамъ и весямъ нашего отечества и всѣ они, услышавъ печальную вѣсть о кончинѣ, оживятъ образъ его въ своихъ молитвахъ къ Господу Богу. Вѣчная память и молитва съ нашей стороны будетъ служить постоянною нашею духовною связью съ нимъ; онъ всегда будетъ жить въ нашихъ душахъ, въ нашихъ мысляхъ, въ нашемъ сердцѣ.

Дадимъ же у гроба нашего дорогаго наставника обѣтъ—всегда памятовать о немъ и память оживлять постоянною молитвою, да упокоитъ Господь душу его, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“.

Студ. I курса, свящ. Андрей Линчевскій.

У.

Дорогой Константинъ Димитріевичъ!

Отъ Киевскаго Губернскаго Отдѣла Союза русскаго народа и отъ себя приношу тебѣ низкій поклонъ и глубокую

благодарность за твою работу на пользу, развитие и защиту исконныхъ православно-русскихъ началъ. Эта работа особенно цѣнная, ибо происходила въ то время, когда среди государственной бури былъ воздвигнутъ новый, дотоѣ невиданный на Святой Руси идолъ, ложно названный „свободой“. На вершинѣ его были поставлены инородцы и всѣ вѣроисповѣданія и секты, кромѣ православной вѣры, а внизу, придавленные тяжестью свободы, стояли русскіе люди—хозяева русской земли и православная вѣра, созидавшая и охранявшая русское государство.

Уличная толпа, къ прискорбію, при участіи или молчаливомъ согласіи извѣстной части интеллигенціи, возила этотъ идолъ по всѣмъ городамъ и весямъ Россіи, и отъ всѣхъ требовала поклоненія ему. Кто преклонялся, получалъ великія блага; кто не хотѣлъ преклониться, получалъ насмѣшки, презрѣніе, оскорбленіе и смертельные удары. Не велика была группа лицъ, возставшихъ за свято-русскія начала. Къ ней принадлежалъ почившій.

Въ это тяжелое время, ты, дорогой Константинъ Дмитриевичъ, умудренный глубокимъ церковнымъ сознаніемъ, развившимся въ теченіе долгой работы въ области богословской науки, громко сказалъ: „православная вѣра выше всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій и русское государство можетъ развиваться лишь подъ сѣнью Православной Церкви“. Ты сказалъ: „въ Православной Руси выше всѣхъ людей одно лицо—Помазанникъ Божій, русскій Самодержавный Государь и выше всѣхъ народовъ—одинъ народъ—русскій, создавшій великое государство своимъ лѣтомъ и кровью“.

Эти убѣжденія ты воплотилъ въ своей дѣятельности, работая въ Союзѣ русскаго народа. Я не могу здѣсь перечислять всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ тебѣ приходилось осуществлять свои взгляды. Скажу лишь, что при твоёмъ ближайшемъ участіи Киевскій Губернскій Отдѣлъ Союза русскаго народа образовалъ кружокъ лицъ, задавшихъ

ся дѣлю просвѣщенія темнаго русскаго народа при помощи религіозно-нравственныхъ и патриотическихъ чтеній. Къ этому святому дѣлу ты привлекъ и своихъ учениковъ. И кто можетъ сказать, сколько этимъ путемъ пролито въ народную среду свѣта вѣры и любви къ родинѣ!

Память о тебѣ, дорогой Константинъ Димитріевичъ, навсегда сохранится въ сердцахъ лицъ, преданныхъ Православной Церкви, Великому Самодержавному Русскому Царю и великому русскому народу.

Проф. П. В. Никольскій.